

courants doctrinaux a l'Universite de Paris a la fin du XIVe siecle. P., 1930, Appendice XVII, p. 608—687.

Петр из Кандии: Ehrle Fr. Der Sentenzenkommentar Peters von Candia des Pisaner Papstes Alexanders V Munster, 1925.

Реалисты XIV века: Michalski C. Произведения, указанные в «Библиографии» к разд. 4, гл. IX; Laun J. F. Recherches sur Thomas de Bradwardin precurseur de Wiclif // Revue d'histoire et de

philosophie religieuses, 1929, v. 9, p. 217—233; Thomson S. H. The Order of Writing of Wyclif's Philosophical Works // Melanges V. Novatny, Prague, 1929.

2. ОТ ЯКОБА ИЗ МЕЦА

ДО ГВИДО ТЕРРЕНИ

«Схоластика начинает становиться интересной после Фомы Аквинского». Прочитывая эту колкость Ханса Мейера, Пауль Бай-ершмидт добавляет, что и в самом деле «своей гениальной концепцией философии и теологии Фома Аквинский адаптировал для своего времени вопросы, которые коснулись западного духа, словно волшебная палочка, и побудили его углубить исследования». Влияние Фомы Аквинского бесспорно, особенно в некоторых кругах, но оно не было настолько общераспространенным, насколько хочет убедить нас в этом отводимое ему ныне место в истории философии. Он, разумеется, был великой фигурой в глазах поколений, которые непосредственно следовали за его поколением. Его доктрину официально принял доминиканский орден, и одна из крупнейших школ занялась ее защитой, толкованием, пропагандой, однако представители других тенденций не были лишены возможности при случае критиковать ее. С конца XIII века авторам произведений, сочиненных явно с таким намерением, даже воздавалась высокая честь как достойным противникам. Типичным примером является сочинение «Исправление брата Фомы» («Correctorium fratris Thomae»), написанное францисканцем Гильомом де ла Маром приблизительно в 1278 г., которое вызвало возражения в виде книги «Исправление искажителя брата Фомы» («Correctorium corruptorii fratris Thomae»). Однако, чем больше знакомишься с авторами, жившими непосредственно после св. Фомы, тем больше замечаешь, что их идеи принципиально не

471

2. От Якоба из Меца до Гвидо Террени

отличаются от его идей. Нередко можно даже заключить, что они колеблются следовать за ним до конца по тому новому пути, на который он ступил, и остаются позади, сдерживаемые сомнениями августиновского толка, от каковых не могут полностью освободиться. Если бы история теологии была более продвинутой наукой, чем она является сейчас, то, возможно, она позволила бы увидеть, сколь важную роль сыграла в этой истории проблема Троицы. Психология, соотношение способностей и сущности души, а также соотношение способностей между собой, природа ментального слова и его порождение интеллектом — сталкиваясь с любым из этих вопросов (а их перечень можно продолжить), теолог сразу же чувствует их прямую связь с формулировкой догмата Троицы. В начале XIV века такие колебания заметны даже у некоторых доминиканцев, от которых дисциплина Ордена требовала согласия с основными положениями св. Фомы. К их числу принадлежит Якоб из Меца (Jacobus Metensis), который в промежутке между